

ВОЙНА ГЛАЗАМИ СОЛДАТА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ВЛАДИМИР КЕЙЛИН

18+

Владимир Кейлин
Война глазами солдата

«Автор»

2023

Кейлин В. И.

Война глазами солдата / В. И. Кейлин — «Автор», 2023

Перед вами мемуары о первых полутора годах Великой Отечественной войны, на которую автор, мой папа, пошел со школьной скамьи. В книге показано как война выглядит изнутри. Как романтические представления юного патриота о скорой победе, таланте командиров и мощи Советской Армии, сталкиваются с реальностью. Как молодой человек справляется с выпавшими на него испытаниями и какую цену за это платит. .

© Кейлин В. И., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Вступление	5
ВОЙНА ГЛАЗАМИ СОЛДАТА	6
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Владимир Кейлин

Война глазами солдата

Вступление

Перед вами книга моего папы. В этом 2023 году ему бы исполнилось 100 лет.

В описанных событиях – образ очень хорошего, доброго, честного, смелого и бесхитростного человека. Каким папа и остался до последнего дня жизни. Читая ее, я слышу будто слышу его голос.

Родился папа в Гомеле. Еврейское местечко. Его отец, Кейлин Илья Аронович, был из ассимилированных. Унтер офицер, награжденный за отвагу в Первой мировой войне. Потом перешел на сторону большевиков. После окончания Гражданской выучился на агронома. Начало войны застало его в должности директора совхоза. Об этом упоминается в книге. Не написано там то, что мой дедушка разработал систему модернизации сельского хозяйства, которую он смог лично представить С. М. Кирову. Киров план одобрил, но через несколько дней был убит.

Про папину маму я знаю мало. Ее звали Эсфирь, она была верная жена и соратница. Строгая мама. После рождения второго ребенка сказала своему старшему сыну, моему папе: “Вова, у меня нет дочки. Ты будешь вместо нее”. Поэтому папа хорошо готовил, умел убираться, был мягким и добрым. Он обожал коней, его брат пропал в мастерских.

Перед вами, конечно, мемуары. Мемуары о первых годах Великой Отечественной войны, куда папа пошел со школьной скамьи. Ужасы войны не сломили его. Закалили? Может быть. Но мне кажется, что он как был цельным, честным и прямым, так и остался. Для меня его сила в том, что он не изменял себе, даже в таких нечеловеческих условиях, которые описал.

Еще, я в этом уверена, его спасла рука Всевышнего, который знает, что было, что есть и что будет. Он, Милосердный, знал, что дочка с внучками и правнуками этого солдата в конце концов окажутся на Святой Земле. Чтобы не прервалась нить, папа никак не мог погибнуть, сгинуть в человеческой мясорубке, в которую закинула его жизнь. Ведь должна была появиться я.

Время от времени, папа приходит ко мне и своим внучкам во сне. Особенно в сложные, критические моменты нашей жизни. Мы всегда этому рады и наутро подробно рассказываем друг другу о том, как он выглядел, что сказал, о чем промолчал.

Сегодня, когда солдаты опять воюют, эти воспоминания стали не только поучительны, но и злободневны. Почитайте, посмотрите как война выглядит изнутри. Ужаснитесь и сделайте все, чтобы ее прекратить.

Многие из тех, кому я давала почитать эту книгу, спрашивали меня что было дальше? Как сложилась жизнь папы после войны. Об этом несколько рассказов в конце.

ВОЙНА ГЛАЗАМИ СОЛДАТА

*"Царице полей" – многострадальной
матушке-пехоте, пехотинцам, погибшим в бою и
оставшимся в живых, отцу, матери
боевым друзьям однополчанам
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

В конце января сорок второго года нас, шесть красноармейцев телеграфной роты 89 полка связи, обслуживающего штаб 54 армии генерала Федюнинского, отправляют на пополнение в какую-то дивизию этой же армии.

Собираем свои вещмешки, получаем сопроводительные документы и харч на дорогу, завтракаем, прощаемся с ротой, в которой прослужили более трех месяцев, и отправляемся в путь. Уже смеркалось, когда мы пришли на место. В штабе дивизии посмотрели наши документы и направили нас в батальон связи. В штабе батальона с нами вел переговоры капитан, которому мы явно не приглянулись.

– Бодистов у нас своих хватает, – ответил капитан, просмотрев наши документы. – Целое отделение бодистов работает на единственном в дивизии аппарате "Бодо", – и вернул нам документы.

Из батальона связи нас отправили в какой-то стрелковый полк. Пришли туда уже затемно. Вышедший из штабной землянки командир спросил:

– Кто вы такие?

Мы дружно и гордо выдохнули:

– Бодисты!

– А что это такое? – с изумлением спросил командир, видимо, впервые услышал это слово.

– Ну, знаете, есть такой телеграфный аппарат для связи между штабами, – в недоумении ответили мы.

– Значит, аппарат для связи. Так бы сразу и сказали, – ответил командир, – понятно. Так-так. Значит вы связисты.

– Так точно – связисты, – ответили мы хором.

– Значит так. Пойдете служить в роту связи. Обратитесь к капитану Московскому. Вон там их землянки, – и махнул рукой направо.

Так волею судьбы оказалась наша шестерка в роте связи 576 стрелкового полка 115-й стрелковой дивизии. На следующее утро, после завтрака началось знакомство нашего начальства с прибывшим пополнением. В присутствии взводных и политрука с нами беседовал знакомый нам с вечера капитан Московский. Интересовало начальство всё: откуда мы, какой специальности, давно ли в армии, где служили и т. д. Мы отвечали однообразно: "Все из Ленинграда, все бодисты, все окончили курсы телеграфистов, все служили в полку связи, все призваны в армию 1 ноября 1941 года, все родились в 1923 году".

Выслушав наши однообразные ответы, ротный покачал головой, хмыкнул в смысле "да-а-а" и зачислил всех в телефонные взводы: троих в первый, троих во второй. Так в один миг все мы переменили профессию – стали линейными телефонистами. Отпуская нас, ротный предупредил:

– Вечером, когда стемнеет, по КП лишний раз без надобности не шляться. Сидите в землянке. Ясно?

– Так точно, ясно, товарищ капитан, – ответили в последний раз хором и разошлись по своим землянкам. Ну куда еще яснее. Ночью разведка немецкая шастает за "языком", неровен час влипнешь – и в "языка" превратишься. Хорошо, что предупредил нас капитан. Это здесь, наверное, самое главное.

Через некоторое время с нами знакомился старшина роты. Здесь всё оказалось проще: фамилия, инициалы, какой взвод, размер обуви и головного убора, рост, размер обмундирования. Отвечали уже по очереди. Записав всё для себя необходимое, старшина указал землянки, кто где будет жить. Далее осмотрел, во что мы обуты и одеты, записал что-то еще у себя и отпустил с богом.

Мы около своих землянок. Они пусты, никого нет. Все разбрелись по своим работам, дежурствам, нарядам. Залезаем в одну из них, садимся, ждем. Кто-то спускается в землянку. Представляется:

– Командир телефонного отделения старший сержант Заварин! Приказано вас обучать телефонному делу.

Знакомимся.

– Ленинградцы, значит, это хорошо. Бодисты, значит, тоже неплохо, – и вдруг неожиданно с болью, – Ну как там, в Ленинграде?

Это извечный на фронте вопрос к любому "свеженькому" ленинградцу. Все знают: Ленинград в блокаде, там голод и холод, там очень плохо. Но насколько плохо, что там в действительности происходит – никто не знает, сведений никаких нет. Политработники молчат, да и они вряд ли что знают. И мы не знаем, что творится в Ленинграде, так как покинули город в довольно еще благополучное время – 7 ноября. В этот день рано утром мы, 100 курсантов-телеграфистов, бодро промаршировали единой колонной от казармы запасного полка связи у Витебского вокзала по Володарскому проспекту до Финляндского.

Далее наш путь лежал через Ладожское озеро (на пароходе) в город Старая Ладога. В городе мы узнали, что вчера и тоже рано утром, в одно время с нами на Красной площади в Москве маршировали войска Московского гарнизона и на параде с речью выступил Сталин.

Мы ничего не могли сказать о положении в Ленинграде нашему учителю, старшему сержанту, у которого в городе осталась семья. Мы сами хватали "свеженьких" из Ленинграда.

– Ну вот что, бодисты, – прервал нас старший сержант – отдохайте, скоро обед, а после обеда начнем занятия, – и вышел из землянки.

Вскоре вслед за ним вышли из землянки и мы, просто так, подышать перед обедом свежим воздухом. Стоим возле землянки рядом с развесистой елкой. Погода чудесная: крепкий мороз и яркое солнце. Вдруг "бабах-трах-бах". Мы импульсивно ничком падаем на снег. Когда стихло – пытаемся подняться. Нас придавило срезанной снарядом верхушкой елки. Вскоре пятеро из нас поднялись, а кто-то шестой лежит, встать не может. Подбегаем к лежащему, поднимаем – это Колька. Шапка пробита, из головы сочиться кровь. Кто-то из нас в страхе кричит:

– Да он не дышит. Он же мертв. Его убило.

Мы в ужасе. От потрясения мечемся под елкой, не знаем, что делать. Выбежавший из землянки старшина командует:

– Быстро на плечи, бегом за мной.

Мы хватаем Кольку и бежим за старшиной. В полковом медпункте врач констатирует смерть. Мы остолбенели, оцепенели и ничего не можем понять. Как это так смерть – этого не может быть! Смотрим на Кольку – он лежит без движения. До сознания начинает доходить свершившаяся несправедливая реальность. Наши уста шепчут только одно имя: "О боже, Колька убит! Наш Колька убит! Боже мой, наш Колька убит! Колька убит! Убит!" Нас осталось пятеро.

Вскоре после обеда в землянку спустился старший сержант и принес с собой телефонный аппарат. Сел рядом с нами на нары, установил на колени аппарат и стал объяснять его устрой-

ство. До мозга доходят какие-то отрывистые непонятные слова: "зуммер", "катушка", "кабель", "коммутатор". Я ничего не понимаю, просто ничего не слышу. Сижу, как в воду опущенный. "Колька убит, убит Колька!" Старший сержант замолчал, в землянке тихо. Только бьет в висок: "Колька убит, убит Колька!"

– Жаль паренька, – заговорил отделенный. – Не повезло вашему Кольке. Не успел повоевать.

Помолчали. Старший сержант продолжал:

– Мы только недавно закончили наступать. В наступлении столько телефонистов потеряли – половину роты, почитай, – кого убило, кого ранило, кто замерз, а многие просто обморозились. Зима-то нынче какая. Зароешься в снег – вот тебе и дом, и землянка. Получается, что на воздухе, что в такой землянке – один хрен – всё равно на улице. Вот только недавно, перед вашим приходом землянки построили. Так что, почитай, вам повезло. В тепле сидите.

Мы молчим.

– Ротный давеча сказал, что сидеть здесь нам в тепле недолго осталось – скоро опять на мороз. Приказал мне подготовить вас к этому времени.

Мы слушаем и не слышим.

– Ладно, бодисты, я пошел. Занятия начнем завтра с утра, – завершил наш учитель и вышел из землянки.

В этот день мы не пообедали. Впервые за время пребывания в армии нам не хотелось есть.

* * *

Следующий день пребывания в роте запомнился тем, что всем, в том числе и мне, налили в кружку водки. Оказывается, здесь, на передовой линии, все получают по 100 граммов водки каждое утро, каждый божий день.

В полку связи, откуда мы пришли, водку не давали. Но я не пью и даже не умею пить. Меня воротит уже даже от запаха водки. В своей жизни пил только один раз: стакан водки на мальчишнике по случаю окончания 9-го класса, ровно за две недели до начала войны. Этот выпивон укрепил во мне стойкое отвращение к этому напитку. Поэтому сейчас я не знал, что делать. Смотрит на меня весь взвод и ждет. Но я просто не могу выпить. Не могу – и всё. Чувствую, надвигается позор. Старшина орет:

– Ну что задерживаешь, едрена вошь! Давай пей, пока дают! Что мнешься, как красна девица на выданье. Давай разом. Раз – и там!

Я в нерешительности. Кто-то хихикает. Старшина вновь:

– Давай следующий. Кто будет причащаться? А тебе, бодист, последнему налью. Хочешь – пей. Хочешь – выливай. Хозяин – барин.

Красноармейцы "причащаются", закусывают кто хлебом, кто рукавом. Кто-то кряхтит. Ко мне подходит телефонист и этак мягко шепчет на ухо:

– Слушай, браток, отдай водку мне, а я тебе полпайки хлеба отломлю.

Удивленно посмотрел на ловкого бойца, и что-то спасительное промелькнуло в голове: "Ура, можно не пить!" С радостью, за просто так отдал я свою чарку избавителю.

На следующий день избавителей таки порядком прибавилось. Все с тоской на лице смотрят на меня. И опять задача. Что делать? Кому отдать чарку так, чтобы никого не обидеть? А тут еще старшина-раздатчик как-то так поглядывает на меня. Но я его взгляда не понял и отдал свою порцию нашему учителю, старшему сержанту Заварину. Однако не долго наслаждались избавители моей порцией живительной влаги.

Однажды, примерно недели через две, получил я очередной наряд – воду в баню возить. Бочка высокая, на дровнях посередине стоит. Из-за малого роста да слабосильности, как говорится, половину ведра в бочку, половину на себя выливал. Мороз большой – шинель колом.

После работы возвращаюсь в землянку – зуб на зуб не попадает. Старшина увидел и, супротив моего желания, влил мне мои же законные вовнутрь. Вскоре так мне после этого тепло и хорошо стало, что решил я свою долю сам завтра осушить. С тех пор и до конца войны "наркомовское" довольствие употреблял только для собственного сугрева, правда, без особой радости. Пить я так и не научился. Видно, не судьба. Проще обстояло дело с махоркой. Я не курил и спокойно обменивал ее на хлеб. Однако вскоре вышел приказ товарища Сталина о замене махорки некурящим красноармейцам на лишнюю порцию сахара, чтобы некурящие не голодали и были боеспособны. Так к большому неудовольствию "курян" закончился мой бартер.

После завтрака начались занятия. Старший сержант объяснял нам устройство телефонного аппарата, правила прокладки линии связи, обязанности телефониста, правила ведения переговоров. После обеда учились прокладывать кабель, подсоединять телефоны, исправлять повреждения кабеля. Сводил нас старший сержант и на коммутатор, показал его работу. Сидел за коммутатором какой-то старик и передвигал рычажки то вверх, то вниз, повторяя одно и то же слово: "Говорите!"

К вечеру вся телефонная "наука" нам была рассказана и нами, как будто бы освоена. Дело стало за практической работой. Вечером вспоминали свою двухмесячную учебу в Ленинграде на курсах телеграфистов. Полученные нами там теоретические и практические знания и навыки здесь совершенно не потребовались. Зря учились на бодистов, зря надеялись, как нам обещали, что будем работать в крупных штабах, и, соответственно, знать всю обстановку боевых действий армии или даже фронта.

Теперь мы телефонисты роты связи стрелкового полка, и, соответственно, наши знания о боевых действиях сузились до полкового масштаба. Наши воспоминания прервала одиночная автоматная очередь – стреляли совсем рядом. Однако красноармейцы на эту стрельбу никак не отреагировали.

Неожиданно в землянку весь в снегу ввалился часовой и весело поведал:

– Опять майор напился, опять палит из автомата. На КП все, как кролики, разбегаются по землянкам. Смехота. А он вслед строчит, да строчит по ним, как на охоте.

Стрельба продолжалась довольно долго. Мы, новенькие, сидели и ничего не понимали. Когда стрельба закончилась и часовой вновь ушел на свой пост, нам объяснили, что майор – это командир полка, живет в землянке вместе с женой. Часто напивается по вечерам и выходит пострелять трошки без разбора – в белый свет как в копеечку. Командиры и политработники полка видят "художества" майора, но одернуть своего непосредственного начальника не могут. Говорят, что только начальник особого отдела полка батальонный комиссар Лымарь его увещевает, да и то, как видно, не всегда успешно. Так вот, оказывается, почему вечером лучше не выходить из землянки, вспоминаем мы предупреждение ротного. Совсем не из-за немцев, а даже наоборот.

Теоретические занятия закончились, и нас направляют на практику по точкам. Точка – это штаб батальона, КП роты или другое подразделение полка, с которым командиру полка необходимо держать связь. Я попал в команду, обслуживающую направление связи от КП полка до КП третьего батальона. Третий батальон от КП полка и от других двух батальонов держит оборону далеко в стороне – по берегу болота Соколиный мох. Телефонная линия длинная: бежать "на обрыв" далеко, да еще по открытому месту – берегу болота.

Пока посадили дежурить на промежуточную точку недалеко от землянки с коммутатором. Дежурить – значит держать всё время в руке телефонную трубку, не отрывая от уха. Ни на минуту, ни при каких обстоятельствах. Надо выйти "до ветру", кто-то должен тебя заменить. Поэтому по штату точку обслуживали два телефониста. По инструкции периодически необходимо проверять целостность линии путем вызова абонента. Ответит абонент – цела линия, нет

ответа – пулей на обрыв. При вызове абонента строго запрещено "зуммерить", т. е. крутить ручку телефонного аппарата и посылать на линию звуковой сигнал, который может услышать противник. За "зуммерение" строго наказывали, поэтому и надо телефонную трубку держать около уха.

Сажусь за телефонный аппарат и вызываю дежурного телефониста батальона:

– "Незабудка", "Незабудка".

– "Незабудка" слушает, – отвечает телефонист третьего батальона.

– Проверочка, – гордо отвечаю напарнику.

– Ясно! Слушай, что-то мне твой голос незнаком, новенький что ли?

– Новенький, – отвечаю простодушно. – Сегодня первый раз дежурю.

– Тогда понятно. Поздравляю. Нашего полку, значит, прибыло. А ты откуда пришел?

– Я-то? Я из Ленинграда, – отвечаю гордо, так как уже давно понял, что ленинградцев на фронте особенно уважают.

– Друг! Так я тоже из Ленинграда. Ты где там живешь? Как там сейчас?

– Я живу, – начал было я, но он вдруг перебил меня.

– погоди, друг, потом. Дай лучше "седьмого" к трубочке, скажи "десятый" просит.

– Сейчас, – отвечаю я и смотрю в таблицу переговоров. Кто же это "седьмой"? Так, так, так, ага – нашел. "Седьмой" – это командир полка, значит, тот самый майор, который строчит по вечерам на КП. Пока я искал в таблице "седьмого", старик на коммутаторе уже соединил "десятого" с "седьмым". Слышу разговор:

– "Седьмой" слушает.

– "Десятый" у телефона. Обещанные "карандаши" еще не появились. "Огурцы" тоже не подвезли, только "арбузы". Мне позарез нужны "огурцы". "Огурцов" осталось два "быка", из них один – НЗ. Прошу ускорить посылку "кротов" с "лягушками". Я говорил с "двадцать первым", но он что-то тянет.

– Как обстановка? – перебивает "седьмой".

– Обстановка накаляется. Разведка заметила движение противника южнее просеки. Веду наблюдение. О результатах наблюдения доложу.

– Понял. Внимателен будь. Не проворонь. При необходимости попрошу дать "пожарных" огоньку по просеке и южнее ее или туда, куда укажешь. Насчет "кротов" с "лягушками" дам указание, чтобы разобрались наконец с "двадцать первым". Это действительно безобразие, уже который раз. Ты засек, откуда был последний "огонек" противника?

– Мои разведчики проморгали. Увлечлись наблюдением за просекой и проморгали. Тут у меня находится "пожарная" разведка. Они засекли. Возьму у них данные.

– Хорошо. Наблюдай. У тебя всё?

– Всё, – закончил разговор "десятый".

– Эй, ленинградец, так где же ты живешь? – слышу с другого конца провода.

– Иванов, прекрати болтовню, – слышу грозный окрик "старика" с коммутатора.

Впоследствии узнал, что "старик" – известный ленинградский футболист Лапшин, кажется, из "Динамо". А я из разговора так ничего и не понял, так как он велся на жаргоне, к которому только позже я привык.

Дана команда к построению личного состава полка на дальней поляне. Старшина роты вызывает свободных от дежурства на полковое построение. Свободных набирается пять человек. Вслед за старшиной гуськом с карабинами на плечах идем на дальнюю поляну. На поляне строятся в две шеренги человек сто – представители от стрелковых рот и других подразделений полка. Оглядываюсь. Впереди строя, метрах в 15–20, четверо солдат роют две ямы. Справа

небольшой группой стоят полковые командиры. Один из них выходит на середину строя и подает стандартные армейские команды: "равняйся", затем "смирно". Строй нехотя равняется, потом стоит смирно.

По направлению к ямам идут пять человек. Впереди командир, за ним двое солдат с завязанными назад руками, и двое – с ружьями на изготовку. Группа останавливается около ям, командир зачитывает приказ. Так вот оно что! Эти двое солдат с завязанными назад руками членовредители-самострельщики. Не выдержали оба суровой фронтовой действительности. Уж больно хотелось остаться живыми. Страх смерти и инстинкт самосохранения подсказал им легальный и естественный путь ухода с передовой. Так покидают поле боя раненые.

По обоюдному согласию устроили они дуэль, естественно, без секундантов. Как и полагается на дуэли, отошли друг от друга на расстояние, обеспечивающее отсутствие на теле ожогов от выстрела, но в то же время не так далеко, чтобы промахнуться или случайно застрелить друг друга. Затем пальнули поочередно друг другу в ладонь. Всё бы хорошо – ожогов на ладонях нет, но кто-то застучал их на месте преступления и доложил куда следует. Приговорили их как изменников Родины к расстрелу.

Командир обращается к строю представителей рот полка:

– Есть желающие расстрелять изменников Родины?

Строй молчит. Вначале показалось, что желающих нет. Но вот молча выходят из строя пять красноармейцев и по команде читавшего приказ командира берут ружья к плечу. Приговоренных ставят спиной к вырытым ямам. Их лица спокойны – они смирились со своей участью. Уйти с передовой в тыл, увы, не удалось.

Раздается команда: "По изменникам Родины – огонь". Хлопают пять выстрелов – они точны. Дуэлянты одновременно падают в ямы. Меня охватывает ужас – впервые видел расстрел людей. Я много читал в книгах о расстрелах и убийствах людей. Но одно дело – читать, и, оказывается, совсем другое – видеть всё наяву. Меня шатает, внутри – нехорошо.

Строй всё это время стоял молча, понуро. Каждый отлично понимал, для чего их привели сюда. Раздается команда "вольно", и строй уводят по своим подразделениям в ту фронтовую действительность, из которой пытались убежать дуэлянты. Меня мутит, я еле тащусь за строем.

Это были первые членовредители, которых я видел. Потом были другие, их выявляли врачи по ожогам на теле. По пути в роту узнал, что командир, читавший приказ, – начальник особого отдела полка, батальонный комиссар Лымарь, тот самый, которого боялся командир полка.

На "Незабудке" ранен ленинградец Иванов. Меня посылают дежурить вместо него. Практика для меня закончилась, началась боевая работа. "Незабудка" – это шалаш из плотно уложенных один к одному еловых веток. Шалаш довольно большой. Внутри шалаша железная печка, вокруг которой на толстых жердях, как верхом на скамейке, сидят человек пять-шесть, все в белых полушубках.

Докладываю о прибытии – мне указывают на телефон. Сажусь на жердь верхом, беру в руки телефонную трубку и проверяю целостность линии связи на "Астру" – штаб полка, откуда только что пришел. Мне отвечает дежурный на коммутаторе.

Оборона противника находится на противоположном краю болота, метрах в 500 от шалаша. Вскоре ординарец приносит обед, раздает всем котелки, разливает водку по кружкам. Все, не чокаясь, дружно выпивают, кряхтят и принимаются за суп. В это время в трубке раздается: "«Десятого» «Седьмой» просит".

"Десятый" гневно бросает:

– Твою мать! Пожрать не дает. Что ему там приспичило? Подождет. Эй ты, телефонист, скажи, что нет здесь "Десятого", ушел на "передок", в третью роту, – и, обращаясь к товарищам, добавил, – Ну как, орлы, рванем еще по одной от холодрыги?

Ординарец разливает водку, все пьют.

Сижу в полном оцепенении – не могу понять: "Как это так? – крутится в башке. – В боевой обстановке командир полка вызывает командира батальона к телефону, а тот врет, что его здесь нет. А вдруг что-то важное надо сообщить в батальон?"

Когда такое случалось дома, я весело отвечал в трубку о том, что папы или мамы, или особенно соседки Татьяны нет дома. Татьяне звонили молодые люди, и она, смеясь, просила меня сказать, что ее нет дома. Это было смешно и весело. Я любил так врать. Но здесь, здесь же фронт, война. А уважаемый мною командир Красной Армии врет. Это настолько для меня было дико и непостижимо, что в полной растерянности, совершенно бездумно и неожиданно для себя я выпалил:

– А он сказал, что его здесь нет.

Сверкая глазами, "Десятый" гневно вырвал из моих рук телефонную трубку. Переговорив с "Седьмым", приказал мне:

– А ну-ка соедини меня с командиром роты связи.

Я соединил, слышу односторонний разговор:

– Слушай "Семнадцатый", ты кого ко мне прислал?

– Да постой, он же работать не умеет!

– Забери его немедленно! Понял? Он мне не нужен. Нет, ждать не буду. Я его отправляю, а за телефон посажу пока своего из взвода связи. Я сказал: ждать не буду. Он мне больше не нужен. Я его выгоню, чтобы не вонял, чтобы духу его больше здесь не было! – и, обращаясь ко мне, добавил, – Дуй в свою роту, чтобы я тебя здесь больше не видел.

Я вышел из шалаша, закинул на плечи карабин и поплелся в роту. Не успел отойти от шалаша и пятидесяти метров, как начался артобстрел. Упал в сугроб, закрыл руками голову. Снаряды рвались где-то недалеко. Впервые страх приполз в душу. Я оцепенел. Вскоре стало тихо. Обстрел закончился. Вскочил и бегом от страшного места подальше.

Командир роты встретил меня сурово:

– Что ты там натворил?

Я рассказал. Мне показалось, что усмешка тронула лицо капитана.

– Иди в роту. Смотри, чтобы больше этого не повторилось, – сказал капитан и отпустил меня.

Ближе к вечеру стало известно, что прямым попаданием в шалаш полностью уничтожен штаб третьего батальона.

Возвратившись в роту, был, как говорится, самым главным "куда пошлют". А посылали и на хозяйственные работы, и в караул, и на восстановление связи по всем направлениям – "ниткам". Не доверяли только дежурство за телефонным аппаратом. Видимо, не надеялся капитан на меня, боялся, как бы еще чего-нибудь не сморозил новобранец. Дошло до меня, что подмочил свою репутацию. Обидно стало. Поэтому старался, как мог, выполнять все наряды и поручения. Страшно уставал. Вскоре заметили мою старательность и посадили на дежурство за телефон, однако на КП полка под присмотром ротного начальства.

Вообще ротного начальства в этих боевых условиях, как ни странно, был полный комплект – заняты все пять штатных должностей. Ротой командовал капитан Московский, инженер из Ленинграда, лет тридцати пяти – умный, справедливый, но очень строгий. Его помощник, политрук роты – старший политрук Акимов. Лет ему не меньше, чем ротному. С нами, красноармейцами, он практически не общается. Красноармейцы, естественно, с ним тоже. В основном он якшается с командным составом роты и штаба полка. Нам от деятельности полит-

рука, как говорится, ни холодно, ни жарко. Жить и работать не мешает, и то хорошо. Молчаливый человек. Говорят, что у него в Ленинграде жена и дети умерли.

Командир первого телефонного взвода, старший лейтенант Аникин – мой командир. Кажется, тоже в возрасте, призван из запаса. О себе ни гу-гу. К нам – справедлив. По-моему, смелый командир, чаще чем других видел его на передовой. Говорят, что во время последних наступательных боев часто подменял на дежурстве у телефона валящихся с ног от беготни по линиям телефонистов нашего взвода – давал отдохнуть и поспать. Слывет в полку главным по ремонту телефонных аппаратов.

Вторым телефонным взводом командовал лейтенант Патрикеев – молодой человек, перед самой войной окончил училище связи. Как будто холост. Красноармейцев своего взвода не обижает, меня – тоже. С командиром радиовзвода, старшим лейтенантом Афанасьевым телефонисты по работе совершенно не связаны, поэтому личностью командира-радиста не интересуются. Однако на нас, телефонистов, смотрит весьма пренебрежительно. Часто слышим, как он доказывает ротному, что на всякие хозяйственные работы и наряды у него людей во взводе нет. Пусть направляют из телефонных взводов. Радисты им недовольны, говорят, что старший лейтенант ленивый и мелочный человек. В чём-то он их там по службе прижимает. Правда, радисты тоже хороши. Нам с ними подчас трудно разговаривать. Они какие-то заносчивые – больно грамотные.

Находясь всё это время в роте, к своему удивлению узнал, что оказывается, весь командный состав полка один раз в пять дней получает дополнительный паек. Как кто-то во взводе пошутил однажды: "Доппаек командиру для чего дают? Чтобы мозги не засохли и думать не перестал. Иначе хана нашей победе над врагом. А солдату паек ни к чему – думать не надо. Знай выполняй, что приказывают отцы-командиры".

Старшина роты один раз в пять дней заносит в командирские землянки пять доппайков. В каждом пайке банка рыбных консервов 200 граммов сливочного масла, пачка печенья, сахар и пачка папирос (как правило, "Беломорканал", иногда "Красная звезда"). Однако не всегда доппаек шел по своему прямому назначению. Бывало иначе.

– Я знаю способ, как полакомиться командирским доппайком, – выразилась однажды в порыве откровения одна из прекрасных дам полка в самом высоком звании – красноармеец. И командирский паек, подчас, уплывал, как поется в оперетте, "не в ту степь".

Так не из-за этих ли полковых жриц усыхали командирские мозги, отчего принимались не совсем продуманные решения, а подчас совсем неверные, из-за которых вверенные им войска несли большие людские потери. А может быть, совсем наоборот. Благодаря жрицам после ночи любви приходили в командирские головы "гениальные" решения. Так что не будь жриц, людские потери были бы много больше. Как знать?

Надо признаться, что нас, красноармейцев, женщины, естественно, волновали. Но, зная наперед, что нам, рядовым, всё равно не отколетса, смотрели на жриц безнадежно спокойно. Так что женщины хоть и волновали, но воевать нам не мешали.

Кажется скоро наступление. Однако это слово в полку никто не произносит. Наоборот – молчат, скрывают. Я сунулся было с вопросом к своему взводному, он меня так "отбрил", что отбил всякую охоту задавать дурацкие вопросы. Но подготовка к наступлению видна, как говорится, невооруженным глазом: подвозят "огурцы", "арбузы", "шишки", "лимоны". По ночам двигаются к передовой "карандаши" – все в белых полушубках (слух идет, что пополнение – сибиряки). Во всю работают полковые разведчики (мы обеспечиваем их связью). Полковые саперы по ночам, как кроты, снимают и уносят свои "лягушки". Полковые и дивизионные артиллеристы пристреливают реперы. Рота автоматчиков – резерв и охрана командира полка

и его штаба – стоят на «передке» – наблюдательном пункте для “седьмого”. “Седьмой” у нас новый – подполковник Долгов, пришел с должности начальника разведки дивизии. Майора с женой и его новеньким автоматом куда-то убрали. Больше его в полку никто не видел. Спокойно ходим по КП и днем и ночью. Теперь по КП стреляет только противник.

К обеду переговоры с “Ромашкой” постепенно затихают и меня у аппарата сменяет напарник Рыбаков. Бегу в роту за котелком и – на кухню. Полковой повар, круглолицый Михайлов (фамилии поваров и их образ красноармейцам более известны, чем, скажем, фамилии командиров полка, батальона, а иногда даже рот и батарей) уже стоит на подножке полевой кухни и с царственным видом оглядывает нас. Ловко орудуя половником, он разливает суп из котла кухни по нашим алюминиевым, старым довоенным круглым или новым сплюснутым (чтобы удобнее носить на поясе) котелкам с крышкой. Мы снизу смотрим на его мощную импозантную фигуру в белом фартуке, подаем котелки и заискивающе, с придыханием в голосе тихо просим:

– Ты, уж, пожалуйста, налей снизу-то погуще, а сверху – пожирней, тогда порядок будет.

Задача повара сложна и ответственна: котел супа и второе (мясо с гарниром) так разделить на полсотню, а то и более частей, чтобы каждый защитник Родины получил положенную ему армейскую норму. Сделать это нелегко всюду и везде, но особенно сложно среди голодного или, скажем мягче, не очень сытого люда – красноармейцев. Голодным, да и не только голодным людям всегда кажется, что их обделили, что у товарища, у соседа всё больше: и пайка хлеба, и порция супа, сахара, а особенно водки и махорки. Видимо поэтому было высшей красноармейской справедливостью, когда после разреза буханки хлеба на пайки (которое доверялось особо опытному глазомерному товарищу) одного из бойцов поворачивали спиной к пайкам хлеба и старшина, указывая пальцем на одну из порций, громко спрашивал: “Кому?”

Так вот это “ювелирное” деление целого на части повар Михайлов проделывал, как фокусник, на глазах страждущей красноармейской публики дважды в день: утром и днем. Претензий к нему, по понятным причинам, естественно, ни у кого не было, но недовольные, как всегда, были. Они, недовольные, скрепя сердце, молчали, ибо четко понимали, что на следующий день себе дороже выйдет. На повара управы нет.

Здесь уместно сказать и о нормах питания защитников Родины. Страна, как известно, находилась в тяжелейшем положении и, естественно, не могла и не имела возможности кормить всю армию одинаково и поэтому вынуждена была установить приоритеты в виде норм питания. Норм питания в действующей армии было десять: от основной и главной “первой” до лечебных в армейских госпиталях.

Одна норма питания отличалась от другой количеством выдаваемых на день (на сутки) продуктов (хлеба, мяса, рыбы, круп и овощей) и, конечно, водки. Только нормы курува были для всех одинаковы, видимо, махорки в стране хватало.

Бойцам передовых частей, ведущих непосредственно бой, была установлена первая, максимальная норма питания, бойцы тыловых частей, обеспечивающие всем необходимым передовые части, питались по второй и по самой минимальной – третьей норме, без водки. Для летно-подъемного состава авиации была установлена своя норма питания (номер не помню) аж с шоколадом.

Принцип назначения той или иной нормы питания был до гениальности прост: чем ближе к противнику (к нейтралке) находился защитник Родины, тем сытнее кормила и поила его страна. Хочешь сытнее есть, да при этом еще и выпить, переходи из обеспечивающих тыловых в атакующие ряды. Страшно? Конечно, еще и как! Могут покалечить или даже убить? Запросто!

Видимо из страха быть в атакующих рядах, желающих сытнее поесть, было не так уж и много. Жизнь дороже. Тыловики попадали в обескровленные после боев роты по разнарядке и приказу командования. Личные рапорта об отправке на передовую подавали единицы. Так

по разнарядке и приказу нас шестерых "бодистов" полка связи, стоящего далеко-далеко в тылу (даже артиллерийской стрельбы не слышно), отправили на пополнение в пехотный полк, где наша жизнь стала сытнее, но опаснее.

Здесь уместно сказать и о том, что, по справедливости, льготы и привилегии ветеранам Отечественной войны следовало бы установить от номера основной нормы питания (первая, вторая, третья), которую получал ветеран, находясь на передовой.

Красноармейцев нашей землянки и командный состав роты по очереди тягают к начальнику особого отдела полка. В нашей землянке застрелился красноармеец Лаврентьев, молодой солдат из Ленинграда, лет 20, мой сосед по нарам – рядом спим.

Как-то под утро раздался в землянке гулкий выстрел, всё заволкло дымом, запахло гарью. От неожиданности, спросонья обитатели землянки, толкая друг друга, дружно свалились с нар в узкий проход. В панике, пихая друг друга, пытались выползти из землянки на божий свет.

Оказалось, что красноармеец Лаврентьев приложил дуло своего карабина к сердцу и большим пальцем ноги нажал на курок. Попадание было точным – сразу наповал, почти не дергался.

Иду по вызову к землянке особиста. У входа часовой, приоткрыв дверь землянки, докладывает о моем прибытии. Получив разрешение, спускаюсь вниз и оказываюсь в просторном помещении типа "купе": по середине стол, по бокам топчаны, в углу около двери пышет жаром металлическая буржуйка. За столом, сбитым из плохо выструганных досок, на деревянном топчане, покрытом лапником и шинелью, сидит в гимнастерке молодой командир лет 25 с двумя шпалами в петлицах. Докладываю о прибытии и, получив разрешение, сажусь на топчан напротив особиста.

– Знали Вы красноармейца Лаврентьева? – спрашивает комиссар.

– Знал, товарищ батальонный комиссар. Правда, не очень. Я в роте недавно, – отвечаю я.

– Как Вы думаете, почему он застрелился? – вопрошает батальонный.

– Не знаю, товарищ батальонный комиссар, – пожимая плечами, отвечаю я.

– Вы ничего не замечали такого, чтобы могло привести его к самоубийству? Например, плохое письмо из дома, неприятности по службе или еще что-нибудь?

– Нет, товарищ батальонный комиссар, не замечал, – помогаю я следствию.

– Ну а как относились к нему командиры, товарищи по службе? Не было ли издевательств над ним?

– Да нет, товарищ батальонный комиссар, не замечал. В роте, по-моему, ко всем одинаковое отношение. Вот только старший политрук уж очень благоволит к красноармейцу Бровкину. Жалеет его, наверное, потому, что у Бровкина родители и вся семья в Ленинграде погибли. Недавно ответ на запрос пришел. Парень вне себя от горя, по ночам плачет.

– Ты что это на вопросы «да» «нет» отвечаешь! Знаешь ли ты, что самоубийство на фронте – это измена Родине, дезертирство с фронта! И тот, кто не помогает следствию, тот покровитель изменника-самоубийцы, – зло выдавил батальонный комиссар. – О каком-то Бровкине лопочешь. На кой хрен мне твой Бровкин, не о нём речь. Думай и вспоминай, по какой причине Лаврентьев мог застрелиться.

Страх обволакивает тело, голова цепенеет. Мыслей нет – пустота. Что я могу ответить комиссару? Что я действительно ничего не знал и не только не знаю, но и не понимаю, как это, вообще, можно застрелиться, как это самого себя добровольно лишиться жизни.

Я молчу. Время идет. Комиссар ждет ответа. Наконец вспоминаю, как недавно один красноармеец-здоровяк прибежал на пункт сбора донесений полка, упал на снег и бросил в отча-

янии: "Лучше бы убило к чертовой матери – конец мучениям. Вечный страх и вечный холод. Конца этому не видно – хоть стреляйся!" Меня страшно поразило тогда это признание здоровья, и, вспомнив теперь его слова, я выдал батальонному:

– Товарищ батальонный комиссар, может быть, он не выдержал суровых условий жизни, в которых мы находимся? Холодрыга-то какая – кровь мерзнет, да и стреляют – аж жуть.

Я повеселел, надеясь, что здорово помог следствию.

– Другие-то не стреляются, воюют, Родину защищают: им и мороз нипочем, и стрельбы не боятся, – безнадежно ответил комиссар, как-то неодобрительно глядя на меня. Затем добавил удрученно, – ты свободен, иди. Позови красноармейца Юрченкова.

– Есть, товарищ батальонный комиссар. Только красноармеец Юрченков сейчас на телефоне дежурит.

– Скажи ротному, пусть сменит.

– Есть, товарищ батальонный комиссар, – ответил я и пулей выскочил из землянки особиста.

Эх, как же хорошо, как весело и свободно на морозном воздухе. И совсем-совсем не холодно. Мимо просвистела пуля и ударила в рядом стоящее дерево. Дзинь. Потом еще, еще и еще – дзинь, дзинь, дзинь. Где-то невдалеке разорвался снаряд. Бах. Потом еще, еще и еще – бабах, бах, бабах, бабах, тарарах-бах. Гул войны идет по зимнему лесу. Симфония! Шуберт!

Завтра на утро назначена атака. На главном направлении действует второй батальон (позывной – "Ромашка"). Батальону приданы три танка. Они уже заняли исходные позиции, намотав по пути на свои гусеницы часть телефонного кабеля, идущего на "Ромашку". Пришлось нашему взводу срочно восстанавливать связь. Трудились до позднего вечера. Усталые завалились спать. Ночью младший сержант Лосев будит меня, моя очередь заступать на пост. Беру свою берданку и выхожу из теплой землянки на жуткий мороз, до утра. Страшно холодно. Тру щеки и нос. Мерзнут руки, держать карабин тяжело. Беру его под мышку в нарушение инструкции.

Рано утром, затемно подняли и накормили роту, роздали НЗ (неприкосновенный запас еды). Меня и Лосева взводный забирает в первый батальон, на "Буря". Идем вслед за взводным. Несем по три катушки кабеля, у взводного на плече наши телефонные аппараты. Около землянки штаба батальона взводный ставит задачу: как только "Десятый" со штабом пойдет вперед, вслед за наступающими ротами, на новое КП, вслед за ними потянут "нитку" дежурившие здесь рядовые Сидоров и Богомолов.

Мы с Лосевым и взводный останемся здесь, организуем промежуточную "точку" и обслуживаем линию связи в оба конца: на "Буря" и на КП полка – "Астру". Светает. Над нашими головами шуршат в воздухе снаряды, слышны гулкие близкие разрывы. Это началась артподготовка. Вскоре в небо взлетает зеленая ракета. "Десятый" со штабом двинулся вперед. За ними, не отставая, потянули "нитку" Богомолов и Сидоров. Взводный сажает меня вместо Богомолова на дежурство. С переднего края доносится сильная ружейно-пулеметная стрельба вперемежку с разрывами снарядов. Время идет. Связи с ушедшими телефонистами пока нет. Взводный нервничает, то и дело выхватывает у меня телефонную трубку из рук. Приказывает Лосеву идти по "нитке" и проверить ее целостность, а заодно узнать, что случилось с телефонистами. Лосев уходит. Наконец в трубке появляется голос "Десятого". Он докладывает "Седьмому" о том, что роты уже подошли к первой линии обороны и артиллеристам необходимо перенести огонь вглубь обороны, после чего он начнет атаку. Ответа "Седьмого" не слышу. Передаю трубку взводному, вылетаю из землянки и мгновенно падаю на снег – противник начал обстрел из миномета. Рядом падают мины, поднимая снежную пыль. От грохота боль в ушах. Поджи-

маю ноги под себя и стараюсь зарыться глубже в снег. В промежутках между разрывами вскакиваю, бегу и вновь падаю на снег. Вот и обрыв линии. Срачиваю концы провода, вызываю "Буран" и "Астру" (позывной КП полка). "Буран" отвечает, "Астра" – нет. Бегу дальше. Еще один обрыв линии. Теперь "Астра" отвечает, "Буран" молчит. Молчит и взводный на промежуточном "Буране-2", бегу обратно. Новый обрыв. Теперь все три "точки" радостно и дружно отвечают мне. Возвращаюсь на "Буран-2". Не успел спуститься в землянку, как взводный посылает теперь на "Буран". Бегу на "Буран". Прекратившийся было минометный обстрел вновь возникает с прежней силой. Бегу. Падаю. Вскрываю. Срачиваю концы. Проверяю. Возвращаюсь. И так несколько раз. Взводный сообщает, что первая линия обороны взята. В связи с этим ротный просил, если сможем, постараться снять трофейный кабель и немецкие телефоны, пока их артиллерийские связисты не забрали. Что делать? Чувствую, что за трофеями идти в немецкие окопы придется мне. Я сейчас самый свободный. Идти в это пекло ох как не хочется. Да я, собственно, и не обязан туда идти. Мое рабочее боевое место здесь у телефона или на линии связи. И вообще нафиг сдались мне эти трофеи. Я молчу, как будто это меня не касается. Молчит и взводный – приказать не может. Время идет – продолжаю дежурить, линия исправна. "Десятый" что-то докладывает "Седьмому". Разговора их не слышу. В голове только одна мысль: пошлют за трофеями или не пошлют? Удастся отвертеться или же нет?

Из роты прибегает телефонист, рядовой Темкин и передает мне просьбу капитана слетать за "общественными" трофеями. Просьба командира, как известно, приказ для подчиненного. Делать нечего – надо идти.

Вдвоем с Темкиным по линии связи отправляемся в путь. Вот и "Буран". Здесь дежурят трое: Сидоров, Богомолов, Лосев. Обмениваемся взглядами и уходим вперед. Бежим, идем, ползем в зависимости от обстановки. Навстречу нам идут и идут раненые.

Вот, наконец, первая линия обороны немцев. Сваливаемся в их окопы. Оглядываемся – никого нет. Пехота ведет бой где-то впереди нас. Над нами непрерывно свистят пули. А вдоль линии окопов красота-то какая! Проложены линии связи, как показалось сначала, всех цветов радуги: красный, синий, зеленый кабель в полихлорвиниловой оплетке. Затем замечаем лежащих в различных позах красноармейцев и немцев. Они уже свое отвоевали. Некоторые лежат рядом друг с другом по двое – наш и немец: руки нашего бойца застыли на горле немца; руки немца на подбородке и носу красноармейца. Шла борьба насмерть, однако оба погибли от осколков разорвавшейся почти рядом мины.

Хватаю кабель в красной оплетке, Темкин – в зеленой, и начинаем мотать на руку. От близких разрывов снарядов только ниже пригибаемся к земле. Ружейно-пулеметный огонь нас теперь не достает.

Вдруг замечаю – вдоль окопа движется человеческая фигура. Бросаю кабель, ложусь и беру карабин к плечу. Темкин зорче меня и видит, как фигура машет руками. Всмотриваюсь, действительно фигура, как и мы, отрывает кабель от стенки окопа и мотает на руку, как на барабан. Встречаемся. Это, оказывается, артиллерийский связист приданного полку артдивизиона. При виде связиста вспоминаются напутственные слова командира роты, сказанные нам перед наступлением: "Вы, орлы, должны прыгнуть в немецкий окоп вместе с пехотой, но лучше – если чуточку раньше". На пути немецкая землянка, телефонного аппарата, увы, уже нет, стол пустой. После пехоты другим родам войск в немецких землянках делать нечего. Оглядываем землянку: довольно чисто, в отличие от наших стены задрапированы досками и сплошь оклеены картинками из немецких журналов, в основном женских и порнографических. Чего на картинках только нет. Забыв обо всем на свете, с интересом рассматриваем порнографические. Такого я еще никогда не видел. Боже ты мой! Голые немки засняты в разных пикантных позах. Выше, ближе к потолку мужчины с женщинами и тоже в разных позах. Интересно страшно! Ну и ну! Глаз не оторвать. Рассматриваем всё подряд. Оглядываемся – артиллерийского связиста нет. Выскакиваем за ним вдогонку. Опять дружно – втроем – мотаем кабель, каждый

свой цвет. Смеркается. Ползем с грузом к себе в роту. Вот и КП батальона "Буран". За телефоном дежурят двое. Сидоров ранен в руку. Взводный приказывает тащить кабель в роту. По глубокому снегу тащимся с Темкиным в роту, от усталости не обращая никакого внимания на обстрел. Хрен с ним, пусть убьет, но наклоняться, падать на снег и потом встать нет сил.

Около землянок нас встречает капитан и благодарит. Сдаем кабель старшине роты. Капитан в награду оставляет нас в роте и посылает Темкина на дежурство на телефон, меня – на всю ночь на пост охранять роту. Стоит жуткий мороз: всё время тру щеки и нос. Хлопаю варежкой о варежку, топаю ногами – вообще весь в движении, иначе каюк – что-либо отморозишь, а потом особист скажет, что я сделал это нарочно, чтобы уйти в госпиталь.

На сей раз поход за "общественными" трофеями прошел благополучно, без потерь. Но так было не всегда, далеко не всегда. Вскоре немецкий кабель пошел в дело. Он полностью заменил потрепанный и весь перебитый телефонный кабель на "Незабудку", так как своего в резерве не оказалось.

Рано утром следующего дня меня прямо с поста и сержанта Тихомирова прямо с дежурства отправляют на "Ромашку". Идем с катушками кабеля на плечах, едва передвигая от усталости ноги. Идем по льду канавы вдоль линии связи. Еще темновато, а потому относительно тихо – иногда постреливают из винтовок и автоматов. Пули то с шумом ударяются о стволы деревьев, то со свистом проносятся мимо. Моя голова инстинктивно дергается в сторону от просвистевшей пули. Не спавший всю ночь, как и я, Тихомиров находит силы посмеяться надо мной.

– Что задергался? Раз просвистела, значит не твоя. Свою никогда не услышишь.

Умом, конечно, понимаю эту фронтовую истину, но справиться со своей головой не могу – дергается на посмешище другим и всё тут. Считается высшей доблестью, если при свисте пуль голову держишь прямо. Значит, ты не трус. Пришли на КП батальона. Штаб неплохо устроился в немецкой землянке, очень похожей на ту, в которой я был вчера. В землянке полно людей, прячутся от обстрела и от мороза. Около входа притулился наш телефонист, рядовой Маштанов (второго, Белова вчера ранило) и держит телефон на коленях. Устраиваемся с Тихомировым в окопе на снегу позади землянки.

Уже светло, и противник усиливает огонь. Где-то сзади нас слышны разрывы нескольких снарядов. Связь нарушена. Как младший по званию и по возрасту поднимаюсь, выскакиваю из окопа и на линию. Бегу по бровке знакомой канавы. Неожиданно, за что-то зацепившись, падаю в снег. Рядом раздается взрыв. От испуга мгновенно вскакиваю и бегу по снегу дальше. Сзади слышу окрик:

– Стой, куда бежишь! Стрелять буду!

Оглядываюсь. Вижу направленный на меня ствол пулемета, лежат на снегу, подложив под себя лапник, два красноармейца. Не обращая на них внимания, продолжаю свой путь. Над головой раздается пулеметная очередь и тот же окрик:

– Стой, говорят! Бегом к нам! Живо!

Подбегаю к пулеметчикам, один из них зло орет:

– Ты что это, сукин сын, с передовой в тыл драпаешь? А ну назад в роту! Твою мать!

– В какую роту? – отвечаю, не понимая, в чём дело. – Я должен сначала обрыв линии связи устранить. С "Астрой", тьфу-ты, с командиром полка связи нет.

– Так ты связист? – меняет тон пулеметчик.

– Связист, а кто же! Некогда мне тут с вами калякать? – отвечаю я, собираясь бежать дальше по линии связи и от пулеметчиков заградительного отряда нашей дивизии.

– Энтэ другое дело. Давай беги, связист, – миролюбиво отвечает пулеметчик и продолжает, – а мы думали, что пехота потихоньку драпать начала. Если бы не остановился, так вцепили бы тебе в зад, и поминай как звали. Приказ начальника на то имеем. Да постой, у тебя же сзади кровь из-под шапки струится. Ты что, братец, ранен? А ну сними шапку.

В пылу бега я не почувствовал ни удара осколком о голову, ни боли. Оказывается, зацепив ногой проволоку, я подорвался на пехотной мине, то ли нашей, то ли немецкой – хрен его знает. Осколок мины, видимо, уже на излете, чиркнул сзади, касательно по голове и сорвал с нее небольшой кусочек кожи. Только теперь ощутил боль в голове. Надо бросить всё и идти к врачу. Имею на это полное право – ранен. Однако связи-то ведь нет, да и идти всё равно в сторону медпункта. Поскольку чувствую себя хорошо, решил идти всё же по линии связи. Вскоре обнаружил обрыв провода. Видимо, кто-то шел и зацепил кабель ногой. Так тоже довольно часто бывает. Не всегда в нарушении связи виноват противник – часто свои. Ходит солдатня не там, где надо, спотыкается о кабель и рвет его, особенно часто ночью. Исправляю повреждение и направляюсь в роту. Старшина, увидев меня, покачал головой и направил в полковой пункт медицинской помощи (ПМП).

После перевязки врач хотел, видимо, отправить меня в медсанбат (медико-санитарный батальон в составе дивизии), но почему-то раздумал и решил лечить меня сам.

– Передай командиру роты, что я освободил тебя от всех работ на три дня и велел эти дни лежать, – сказал врач. Потом добавил, – ничего страшного, дружище, считай, что крепко повезло, легко отделался. Завтра приходи на перевязку.

Два дня пролежал в землянке. Отоспался и отогрелся. Рана на голове слегка зажила, боль утихла. На третий день вызывает ротный. Спускаюсь в его землянку, докладываю о прибытии.

– Ну как голова? Болит? — спрашивает капитан.

– Да нет, товарищ капитан. Боль как будто бы утихла, – ничего не подозревая, бодро отвечаю я.

– На "Ромашке" ранен рядовой Данилов, там больше некому дежурить, – объясняет капитан, – посылаю тебя, в роте сейчас людей больше нет. К вечеру пришлю замену. Иди!

Делать нечего – лечение закончилось. Беру карабин и направляюсь на "Ромашку". Сидор оставляю в землянке. На кой хрен таскать его туда и обратно. К вечеру ведь вернусь в роту. За два дня, что я болел, "Ромашка", вслед за ротами, продвинулась вперед. Ушло на новое место и КП батальона. Чтобы не плутать, как обычно, иду по линии связи. Привычно осматриваю кабель. Вот немецкие окопы и блиндаж, теперь здесь на передовой командный пункт полка – "Астра-2". Иду дальше. Наконец вижу шалаш – это и есть теперь "Ромашка". Сменяю сонного сержанта Тихомирова, дежурившего у аппарата бесшумно всю ночь. Отдав мне трубку, сержант тут же, рядом с шалашом, валится на снег и мгновенно засыпает.

Телефонную трубку приходится всё время держать в руке. Обычно она висит на веревочке или бечевочке за ушной раковиной телефониста. Однако голова моя всё еще забинтована вместе с кончиками ушей и повесить трубку за ухо я не могу. От неподвижности затекают и замерзают руки и ноги.

Постепенно холод охватывает все тело. Вместе с телефоном выхожу из шалаша и начинаю прыгать. На минуточку кладу трубку на аппарат и, как извозчик, бью себя наотмашь руками. Бью и прыгаю. Прыгаю и бью. Становится чуточку теплее. Беру трубку в руки и проверяю линию – всё в порядке. Кладу трубку и высоко подпрыгиваю, махая руками. Становился теплее. Проверяю линию. Оказывается, меня вызывают – просят "Десятого". Отдаю трубку "Десятому" и бегом во всю прыть вокруг шалаша. Бужу Тихомирова – у него побелела щека. Спросонья трет щеки и нос и вновь валится на снег спать.

"Надо за ним смотреть и смотреть", – отмечаю я про себя и слышу окрик комбата.
– Эй, телефонист, кончай прыгать, бери трубку.

Возвращаюсь в шалаш на свое место. Из шалаша выходит комбат и тоже греется. За ним выходят еще двое командиров. Потом все трое возвращаются в шалаш и принимаются за свое прерванное дело. Во время работы еще не раз выходят они греться. Наблюдая за ними, начинаю понимать, какие они, в сущности, еще мальчишки.

Приносят обед. Бужу Тихомирова, он едва продирает глаза, трет нос и щеки. Обедаем по очереди. Достая ложку из голенища валенка. Суп в котелке уже холодный, каша и кусочки мяса примерзли к крышке. Проглотили обед – ни сытнее, ни теплее не стало. Получается, не обед греет нас, а мы греем обед, в желудке ему тепло. Тихомиров держать "трубочку" всё еще не может и снова, как сноп, валится на снег. Я продолжаю дежурить. После обеда постепенно становится всё-таки чуть теплее, мороз терпеть можно. Время идет.

Мороз крепчает, перестрелка – тоже. Тихомиров встает, греется. Видимо, холод пересилил сон. Греется долго, наконец согрелся – лег и снова уснул. После согрева сон всё-таки пересилил холод. Однако, вскоре встает, трет нос, уши, щеки и садится на дежурство. Отдаю трубку и сажусь на лапник. Вкладываю руки в рукава шинели, притягиваю ноги к голове и пытаюсь уснуть. Уснуть не могу – мерзнут ноги, лицо, спина. Встаю, то хожу, то сяду на пенек, то снова лягу на лапник. Сон в этих условиях не идет. Замена – тоже. Уже темно. Перестрелка стихает, мороз крепчает. Начинаю понимать, что придется провести здесь всю ночь, так как, естественно, ночью замену не пришлют, в лучшем случае – к утру. Да и вообще, как сказал капитан, рота пуста. Значит, надо и поспать, скоро менять Тихомирова. Вот где добрым словом вспоминается наша ротная теплая землянка. Но она сейчас пуста, некому в ней спать. Стоит не вытопленная. Вот бы как в сказке у Иванушки-дурачка: "По моему велению, по моему хотению перенесись, ротная наша земляночка, сюда на «Ромашку»".

Приносят в термосе чай. Это наш ужин. Но чая в термосе никакого нет. Там просто крутой кипяток под названием "чай". К чаю, естественно, уже ничего нет: весь дневной паек съеден утром вместе с завтраком. Пьем кипяток с "таким" из расчета: ведро кипятка заменяет по сытости сто граммов хлеба. Такова солдатская статистика. Пьем кипяток, пардон, «чай» по одному-два котелка, некоторые – по три. Рекорд роты связи – 5 котелков. После горячего "чая" становится сытнее и теплее. Ложусь на лапник. Теплота и сытость в желудке приятно разливается по телу, и глаза сами собой закрываются. Просыпаюсь – нет, нет, не от холода, а от сильного давления в мочевом пузыре, там теперь весь мой ужин. Нехотя встаю, сворачиваю "курок", отливаю и, пока еще тепло держится в теле, вновь ложусь на лапник. Вскоре опять просыпаюсь, опять невтерпеж, опять отливаю, опять, пока еще есть остатки тепла под шинелью, ложусь на лапник, но уже ненадолго. "Ужин" больше не греет. Холодно. Тепло ушло. Приходится то прыгать, то свертывать "курок", то ложиться спать, то вскоре вставать. И так всю длинную зимнюю ночь: или до своей смены в карауле, или на телефоне, или – аж до утра. Каждый вечер, в течение всего холодного времени года, за ужином встает перед красноармейцем всемирно известный гамлетовский вопрос: пить, или не пить? В смысле спать или не спать? Вот в чём вопрос! Но не спать служивый не может, а потому нещадно, по-чёрному, каждый божий вечер сильно пьет.

После завтрака на "Ромашке" появились два связиста из роты с приказом капитана мне и Тихомирову перейти в распоряжение командира взвода связи батальона лейтенанта Быстрова. Вот это да! Вместо замены продал меня ротный, а заодно и Тихомирова.

Капитан просил передать, что это временно – на один-два дня. В батальоне почти не осталось связистов, и начальник связи полка приказал часть людей из полковой роты связи временно перебросить во взвод связи батальона. Поскольку мы с Тихомировым уже здесь, в

батальоне, выбор пал на нас. Сменили нас радисты, видимо, телефонистов в роте нет. Сразу представилась картинка, как радиовзводный с пеной у рта отстаивал своих питомцев перед капитаном.

Лейтенанта Быстрова на КП не оказалось, он впереди в какой-то роте. Сдали радистам дежурство, сидим, точнее лежим на снегу и ждем прихода лейтенанта.

Ночью в батальон пришло пополнение, и роты с утра ведут бой. Грохот стоит невероятный. Вокруг КП то и дело падают снаряды, свистят пули. Мы большую часть времени лежим на снегу – так безопаснее. Мимо нас идут раненые: по двое, по трое, помогая друг другу. Время идет, а лейтенанта всё нет и нет. Бой постепенно затихает, и вскоре появляется лейтенант. Он быстро проходит в шалаш, и мы его еще очень долго ждем.

Когда бой утих, по крайней мере, вокруг КП перестали рваться снаряды, к нам подошел лейтенант и распределил по ротам: меня во вторую, Тихомирова – в третью. Забираю карабин и в путь. Дороги, естественно, не знаю. Только "нитка" выводит меня на КП второй роты. По пути встречаю раненого в руку красноармейца. Спрашиваю, как пройти во вторую роту.

– Нэ знаю, сынку, – отвечает раненый. – Ходы прямо, нэ собьешься.

– Как это ты не знаешь? – возмутился я. – Ты сам-то со второй роты или нет?

– Нэ бачу я, сынку? Може и со второй. Я тильки вчора ночью пришов в роту, знаю тильки, что второй взвод. А яка рота? – раненый задумался. – Може и вторая.

– А какой батальон, полк – знаешь, куда попал? – допытываюсь я.

– А хрен его знае? Нам никто ничего не говорил.

– Ранен первый раз?

– Да нэ, сынку – другий. Перший раз у себя на Украине осколок от мины в ногу впился. Слегка кость затронул. Было это то ли пид Бердичивым, ай пид Житомиром – точно не знаю. Но у себя на Украине, сынок, это точно. Летом у стэпи меня стукнуло, при отступлении. Хорошо ребята свои прихватили с собой, а то бы в план попал. Уж больно сильно отступали мы: то ли до Бердичева, то ли до Житомира, а может от Белой Церкви. Кто там разберет. Да что вспоминать, хрен с ним. Вот опять царапнуло – иду лечиться, – закончил он свой рассказ и отправился в тыл.

Разговорчивым оказался украинец, видимо стукнуло его не сильно, раз вел со мной длительную беседу. Украинец воевал на нашем участке всего полдня, а в роте был менее суток. Естественно, что он в роте никого не знал, и рота его тоже, в сущности, не знала. Что уж тут говорить о его боевых делах? Может быть, в критический момент струсил украинец и, тем самым, подвел своих товарищей. А, может быть, совсем наоборот – проявил героизм и способствовал успеху роты в наступлении, и за это он должен быть представлен к высокой правительственной награде.

Но что именно он совершил в бою – этого теперь никто никогда не узнает, как, впрочем, вряд ли вспомнят его фамилию, даже его непосредственный командир-взводный. А без знания фамилии, награды, понятно, не дадут – даже медаль. Не говоря уж об ордене – необходима бумага, в которой точно, до мельчайших подробностей, должен быть описан твой подвиг: куда стрелял, куда бежал, сколько убил, куда попал, сколько посадил на штык и многое-многое другое. А уж о присвоении Героя Советского Союза – тут, главное, даже не фамилия, а коммунист ты или комсомолец, так как беспартийный не может быть по своей сути Героем. В общем, без соответствующей бумаги награды тоже не дают. Так что красноармеец с Украины, как, впрочем, и большинство пехотинцев, и на сей раз останется без награды.

Командный пункт второй роты оборудован за большим кустом и с трех сторон закрыт снежным валом высотой где-то от полуметра до метра. Внутри на лапнике сидят три человека – командование роты. Снаружи около куста на снегу валяется телефонный аппарат. Беру трубку и вызываю дежурного телефониста на КП батальона. Меня не слышат – значит, замерз или

отсырел порошок в микрофоне. Вынимаю микрофон и кладу за пазуху, ближе к теплу своего тела.

Осмотрелся. Кругом редкий лес, посредине большая поляна. Впереди, метрах в 30 по опушке леса, залегла и окопалась в снегу пехота. Видны их индивидуальные снежные окопчики. Впереди пехоты, примерно посредине поляны притих наш танк – не дышит. Видимо, один из трех, приданных батальону.

Стоит тишина. Иногда с той стороны раздаются одиночные выстрелы: так бьет снайпер. Достаю микрофон, вставляю в трубку и вызываю дежурного телефониста на КП батальона – связь работает.

Принесли обед. Рота обедает по очереди: одни красноармейцы отползают в тыл на "кухню", другие держат оборону и ждут своей очереди. Ползти на обед надо с умом, не поднимая ни головы, ни зада, иначе каюк – попадешь на мушку снайпера.

Немец, видимо, заметил передвижение на участке роты – начал постреливать. Ползущие на обед и с обеда притихли. Но голод берет свое, и путь на кухню не прерывается.

Старшина роты несет три котелка в командирский шалаш, ждет, пока руководство себя напитает, и уносит пустые котелки. Приглашает меня на обед. Я у них в роте на довольствии еще, наверное, не состою, но есть хочется, и я иду вслед за старшиной. На "кухне" за деревьями, прислонясь спиной к тыльной стороне ствола, орудуют ложками в котелках очередные представители обедающих от взводов.

Повар из термоса наливает полный котелок пшеничного супа. У меня глаза на лоб полезли: это же раза в два-три больше, чем нам наливал наш полковой повар Михайлов. Суп уже прохладный, съедаю быстро, чтобы не остыл. Затем повар наваливает полную крышку "шрапнели" с кусочками мяса. "Ну и ну, – удивляюсь я, – вот это повар! Видимо, честный мужик, не ворюга, как наш Михайлов".

А ларчик просто открывался – дело не в "добром" поваре. Вечером роту основательно пополнили "карандашами", и на рассвете, при мощной танковой поддержке в один танк бросили в наступление. Уже в самом начале наступления рота понесла большие потери, а вскоре был подбит танк. Неудачно начатое наступление вскоре было командованием остановлено, и рота вернулась на свои прежние позиции.

Не зная о такой неудаче роты, повар утром, как и полагается, на обед заложил продукты на всех атакующих. Но, доставив обед в роту, обнаружил, что едоков стало много, много меньше. Поэтому оставшиеся в живых пообедали сегодня, как говорится, за себя и за своих погибших и раненых товарищей. За кого-то ел и я, возможно за украинца, встретившегося мне по дороге.

Возвращаюсь к телефону, делаю "проверочку" – всё в порядке. От сытного обеда тепло, клонит ко сну. Кемарю. Будит меня какой-то командир.

– Спишь, связист? Давай чеши к танку и узнай, живы ли танкисты. Спроси, что им надо, чего хотят.

– Я не могу оставить телефон. Кто-то должен держать трубку, – отвечаю я, не желая бежать к танку.

– Давай сюда твою трубку, – отвечает командир, – я ее подержу, никуда она не денется, а ты дуй к танку: одна нога здесь, а другая – там.

– Я трубку не дам! По инструкции не имею права. У вас свои красноармейцы есть, их и пошлите. Я – не Ваш, – отбиваюсь от похоронной перспективы.

– Я тебе ... твою мать, дам сейчас и инструкцию, и не ваш – бегом! Живо!

– Я не могу, и всё. Не имею права, – жестко отвечаю командиру.

– Ах, ты не можешь, сукин сын! А спать на дежурстве – можешь! Бегом марш! – выпалил он, вынимая наган из кобуры.

Я стою и соображаю, что мне делать.

– Бегом марш, я сказал! Что ждешь? – доносится до меня голос командира. – Сейчас расстреляю, падла! – и подносит к моему носу наган.

Делать нечего, может и вправду расстрелять. Отдаю трубку командиру и ползу по направлению к танку. Дополз до окопов пехоты. Дальше нейтральная полоса (нейтралка). На ней никого нет: ни наших, ни чужих, конечно, кроме танка, до которого метров так 50. Выползаю на нейтралку и, зарываясь в снег, ползу дальше. Прислушиваюсь: кругом тишина, сумеречно и холодно. Ползти устал, а впереди еще полпути. Решил рвануть. Будь что будет. Поднялся бегом – свалился под танк. Отдышался, вроде жив. Стучу снизу в "живот" танка – ответа нет. Стучу ногой, затем прикладом – тишина. Осматриваюсь вокруг: не ползет ли немец за мной. Свой явно сюда не приползет – на хрен это ему надо? Стучу еще и еще. Что делать? Тянет назад – становится страшно. Понимаю, что на обратном пути снайпер точно пристрелит – я уже взят на мушку. Он ждет момента, когда я вылезу и побегу обратно. Смотрю вперед – нет никого. Ждать или рвануть? Стучу еще и еще. Надо что-то решать. Решать не хочется, не решается. Начинаю понимать, что здесь под танком всё-таки не так опасно, как снаружи. Лежу, думаю, но мыслей в голове нет. Эх, как хорошо остаться бы здесь и не бежать назад. Стучу. Холодно, начинают замерзать руки и ноги. Тру нос и щеки. Надо решаться – тянуть нельзя. Решаюсь. Рванул. Не вижу, не слышу, не понимаю – провал памяти. Падаю на снег лицом вниз. Кто-то жмет в спину и что-то говорит. В голове проносится ужас: "Немцы!" Прихожу в себя, тяжело дышу, начинаю понимать, что жив. Рядом красноармеец прижимает меня к земле, что-то говорит. Я его не понимаю. До меня, наконец, доходит, что снайпер или промахнулся, или по какой-то причине не стрелял.

Отдохнув, спокойно ползу на КП роты. Вижу телефонный аппарат, трубка брошена, лежит вся в снегу. Рядом с телефоном никого нет. Беру трубку и выдыхаю: «Сирень», «Сирень», – ответа нет. В трубке раздается: "«Полынь», «Полынь», «Полынь»". Линия работает, но меня опять не слышат. Вынимаю микрофон и под шинель. Над головой раздается мат:

– Какого х•• ты бросил трубку, заставляешь, твою мать, меня понапрасну по линии бегать! Спал, сволочь!

Телефонист зло глядит на меня. "Эх, на! Ему бы так спать!" Подвел меня пехотный командир. Как объяснить понапрасну прибежавшему телефонисту, где я был, что делал и что здесь произошло. Я, естественно, молчу. Вскоре телефонист уходит, а я остаюсь дежурить у телефона на всю ночь. Смены мне нет. Быстро темнеет, крепчает мороз, изредка стреляет противник. Мерзнут руки и ноги, холод обволакивает всё тело. Чувствую, как превращаюсь в ледышку. А пехотный командир трубку всё же не бросил – его снайпер ранил в грудь.

"Ромашка" продвинулась вперед, подошла к железной дороге (железке), но с ходу взять ее не смогла и залегла в перелеске перед железнодорожным полотном.

КП батальона переходит ближе к железке, и мы тянем "нитку" на новое место. Навстречу бредут раненые. Они на время отвоевались – отдохнут, отогреются, отоспятся в госпиталях. По пути натываемся на тела убитых – они уже отвоевались. Для них весь этот кошмар уже пережит и никогда не вернется.

Глядя на эту картину, как-то отчетливо начинаешь понимать, что и нас, остающихся здесь, ожидает та же участь. От этих мыслей становится страшно. Но думать об этом некогда, надо быстро давать связь. Вот и новое КП. Размотали одну катушку кабеля, это примерно от 350 до 400 метров. Настолько продвинулся батальон за вчерашний рабочий день.

Ординарец с красноармейцем сооружают из ельника шалаш под штаб. Устанавливаю в углу шалаша телефонный аппарат, подсоединяю кабель и усаживаюсь на дежурство.

Лениво постреливает противник, где-то невдалеке слышны разрывы снарядов. С рассветом батальон должен взять железку. Идет подготовка к завтрашнему дню.

Тянет ноги по глубокому снегу очередное пополнение. Правда, как сказал комбат, хилое – всего по 10 человек на роту. А еще добавил в разговоре со своим приятелем, начальником разведки полка, что не знает, как выполнить приказ. Поддержки ротам никакой не будет. Обещано соорудить лишь небольшой артналетик, минут этак на пять, не более, после чего по зеленой ракете вперед на врага. "Так что у меня только одна надежда – на штык, на тот, который всегда молодец!" – закончил свой разговор "Десятый" с главным разведчиком полка.

Ночь. Темно. Мимо КП "Ромашки" к передовой идут красноармейцы с термосами и мешками на плечах – очередной наряд несет в стрелковые роты завтрак, водку и НЗ.

НЗ – неприкосновенный запас питания на тот случай, если днем в роты невозможно будет доставить обед. По инструкции НЗ можно использовать бойцу только в самом крайнем случае, в безвыходных ситуациях, когда надежды на доставку пищи нет. В НЗ входят сухари, банка рыбных консервов, сахар и махорка.

Однако красноармеец, памятуя, что в бою, не ровен час, могут и убить, а тогда харч просто-напросто не за понюшку табака, не по-хозяйски пропадет, плюет на все инструкции и наставления начальства, принимает "героическое" решение и ранним утром сам себе устраивает "банкет": водку закусывает консервами, кашу съедает с пайкой хлеба, чай пьет с рядами и двойным сахаром. Позавтракав, сворачивает большую "козью ножку" из армейской газеты, оставленной вчера политруком роты, насыпает до краев махоркой, закуривает и сидит (или лежит) себе, как кум королю, ожидая появления зеленой ракеты. "Вот таперыча порядок. Совсем другое дело. Таперыча можно куды хошь идтить: хыть вперед, хыть назад. Куды прикажут – хыть в бок".

Однако для многих, очень многих защитников Родины этот "банкет" оказывается последним в их жизни.

Рассветает. Ротам дана команда приготовиться. Заработала наша артиллерия, но как-то быстро прекратила огонь. Роты двинулись вперед. Поднялась страшная ружейно-пулеметная пальба. Открыла огонь вражеская артиллерия. Многочисленные перелеты снарядов разрываются вокруг "Ромашки", однако связь пока цела. Мимо "Ромашки" пошли раненые. Идут, медленно спотыкаясь в глубоком снегу. Санинструкторы тащат на узких лодочках и санках на лыжных полозьях тяжелораненых.

От раненых узнаем, что роты до железки так и не дошли и залегли под сильным пулеметным огнем. Значит, артиллерия не подавила пулеметные огневые точки немцев, а, следовательно, не выполнила свою непосредственную боевую задачу. Выделенный лимит снарядов, как говорят, ушел за "молоком". Что ж теперь делать пехоте?

Слышу, как комбат просит у комполка еще "огоньку" по трещащим пулеметам немцев. Однако артиллерия молчит. Видимо, даже самому "Седьмому" там наверху отказали в поддержке артогнем. Время идет, а команд никаких нет – связь молчит.

А в это время красноармейцы пехотных рот "Ромашки" лежат на снегу, на сильном морозе под сильным пулеметным огнем на открытой местности. Бойцы лежат, не поднимая головы и зада, и ждут помощи от "Бога войны". Но время идет, бойцы замерзают, несут потери, а артиллерийской поддержки всё нет и нет.

В отличие от нас, связистов, бойцы еще не знают, что "Седьмой" получил не только отказ, но и крепкий нагоняй за то, что не использовал артиллерийскую завесу для взятия железнодорожного полотна. Поздно поднял пехоту в атаку. Вечная борьба за правду между двумя родами войск: пехотой и артиллерией – кто виноват в срыве атаки и невыполнении боевой задачи. Пехотные командиры обвиняют артиллерийских в том, что они не сумели подавить все огневые точки противника, а артиллерийские обвиняют пехотных в том, что поздно покинули свои окопы, медленно наступали и оторвались от огневого вала артиллерийского сопровождения. Идет большая словесная перепалка на эту тему. Но пехота этого не знает и не слышит. Она лежит на морозе на снегу и с нетерпением ждет помощи. Она надеется и ждет. А пушкари в это

время чистят банниками загрязнившиеся стволы отстрелявших орудий, и пока отцы-командиры выясняют отношения – кто прав и кто виноват – спокойненько с чувством выполненного долга идут обедать на батареиную кухню.

Комбат ушел в 1-ю роту. Она ближе других рот подошла к «железке», но понесла большие потери. Время движется к полудню. Ясно, что атака сорвалась. Надо отводить роты с открытой местности из-под огня противника обратно в мелкий кустарник. Но сделать это можно только с наступлением темноты или, на худой конец, с началом сумерек.

К телефону вызывают комбата, просят доложить обстановку. На КП кроме меня, телефониста, рядового Еременко и адъютанта штаба никого нет, все впереди. Связи с КП первой роты у телефонистов батальона нет, как нет и самих телефонистов – они все на своих ротных линиях латают перебитый кабель.

Адъютант приказывает мне разыскать капитана. Передаю трубку Еременко и бегу в 1-ю роту. По дороге в роту встречаю телефонистов батальона, ремонтирующих свою «нитку». По пути спотыкаюсь о припорошенные снегом трупы, падаю на ставшим черным снег при близких разрывах снарядов. Добегаю до КП роты, падаю на снег и ищу глазами комбата. Капитан лежит на снегу под кустом вместе с комроты немного впереди КП. Подползаю и передаю приказ «Седьмого». Оглядываюсь. Впереди низкий кустарник, вдали полотно железной дороги. Между кустарником и полотном – открытая местность. На ней на почерневшем снегу лежат красноармейцы. Отсюда не видно, живые они или мертвые. Не утихает ружейно-пулеметная пальба, прижимающая пехоту к земле. Упаси боже подняться – увечье или смерть обеспечены. Однако глаз начинает замечать, что некоторые фигурки шевелятся и медленно пятятся, как раки, назад.

Отползаю назад и я. А в голове не утихает: «Господи! Роте еще полдня – вот так лежать на морозе, на снегу под огнем. Бедная пехота. Сколько же мытарств, физической и моральной нагрузки испытывает пехотинец в бою».

Мы, связисты, хоть и не очень далеко находимся от пехотных рот – всего в 100–300 метрах, но всё-таки сзади, а по фронтовым меркам на «космическом» расстоянии от нее.

Если же говорить об остальных родах войск (артиллеристы на батареях, танкисты, саперы, минеры, разведчики), то все они в определенном смысле гастролеры на передовой линии фронта. Они находятся там только на время и в период выполнения своих прямых боевых обязанностей, после окончания которых уходят в тыл в расположение своих частей и подразделений, где, подчас, спят и отдыхают в теплых землянках, а, главное, в безопасности.

И только «царица полей» и в мороз, и в стужу, и в дождь, и в ведро, и в жару и в холод – во все времена года, круглосуточно и бессменно находится перед лицом и на виду у противника. В аду и в пекле, на пределе человеческих сил и возможностей, ведет пехота свои боевые действия, прикрывая своим телом (и грудью) и страну, и Родину, да, впрочем, и все остальные рода войск вместе взятые.

Дрогнет пехота – и танки не всегда помогут, особенно если их не очень уж и много, а об авиации и говорить не приходится, ее просто нет. На артиллеристов у пехоты надежда тоже слабая. У «Бога войны» вечная нехватка снарядов. А без снарядов на кой хрен этот «Бог» нужен пехоте.

Возвращаюсь на «Ромашку», докладываю адъютанту, что «Десятого» нашел и приказ «Седьмого» передал. А из головы не выходит: «Может быть, всё же выползут бойцы с открытого места в более безопасные кусты? Дай-то им Бог!»

Решено брать железку затемно, еще до наступления рассвета. «Ромашке» выпала честь первой начинать атаку. В качестве усиления батальону придают роту автоматчиков. Они при-

ходят вечером – все в белых маскхалатах и, как я слышал из разговоров, первыми начнут атаку на участке 1-й роты. Здесь ближе всего до железнодорожного полотна. Первая рота, потеряв почти половину своего состава, позиции свои всё же не сдала.

Нам тоже пришло пополнение в лице взводного и трех телефонистов. Впереди организуется еще одна точка связи, "Сирень" – КП роты автоматчиков. На "Сирень" потянули кабель рядовые Маштаков и Ботвич. За ними ушли взводный и рядовой Мельников. Я с Еременко остаюсь на "Ромашке". Сюда же пришел новый "Седьмой".

Ночью всем выдают завтрак, водку и НЗ. В темноте и тишине, на морозе, за белоснежным столом проходит очередной "банкет" в батальоне. Неожиданно взлетает осветительная ракета и на некоторое время становится светло. Тестирующие и тестируемые ложатся и замирают. Ракета догорает и спускается на землю. Вновь и тихо, и темно, и "банкет" и жизнь продолжают.

Под утро рота автоматчиков выползла на "нейтралку" и тихо подобралась к железнодорожному полотну. Затем так же тихо и незаметно перемахнула через "железку" и неожиданно для немцев свалилась в их окопы буквально на "голову". В тишине и темноте завязался рукопашный бой. На подмогу автоматчикам пошла первая рота, затем двинулись вторая и третья. Опомнившись, открыла огонь немецкая артиллерия, но роты уже успели добежать до железки и вышли из-под обстрела противника.

КП батальона переходит ближе к успешно наступающим ротам под полотно железки. Тянем с Еременко линию вслед за комбатом и его "камарильей". Противник еще не успел перенести огонь по нашей, продвинувшейся вперед пехоте, а потому бьет по старым, ранее пристрелянным позициям. И штаб, и мы попадаем под шквал этого огня. Комбат, а за ним и ординарец рванули сквозь огонь к полотну. За ними рванул начальник штаба, но, раненый в ногу, упал на снег. Ординарец тащит его обратно к нам. Мы с катушкой так быстро бежать не можем. Бегу трусцой под аккомпанемент разрывов, а Еременко сзади расправляет и укладывает кабель. Вот и проклятая пехотой, но спасительная сейчас для нас железка, за взятие которой отдано уже столько жизней. Ложимся рядом с комбатом под невысокую насыпь полотна, подключаем телефон и отдаем трубку комбату. Слышу, как "Десятый" докладывает "Седьмому", что окопы за железкой "карандаши" взяли почти без потерь. Первая рота и автоматчики преследуют противника, вторая и третья расширяют прорыв по железнодорожному полотну и заняли станцию Жарок. Самой станции нет – она разрушена. "Седьмой" отвечает, что дана команда первому и третьему батальонам начать атаку и двигаться навстречу ротам, а в прорыв на помощь "Ромашке" он даст свой резерв, который вот-вот должен прийти к нам.

Так удачно начатая атака к полудню захлебнулась. Батальоны так и не смогли сдвинуться с места, а резерв "Седьмого" запоздал и из-за сильнейшего огня уже не смог перемахнуть через железку на помощь ушедшим вперед ротам.

Немец очухался и вдоль полотна железной дороги с обеих сторон прорыва установил такую плотную пулеметно-минометную завесу, через которую ни на ту сторону, ни с той стороны не могла проскочить, как говорится, ни одна мышь, ни один "карандаш". Роты "Ромашки" оказались отрезанными от своих плотным огнем противника. Смелчаки, пытавшиеся перемахнуть через железку, замертво, как подкошенные, падали на ее полотно.

Пришлось и "Десятому" отползть от полотна в тыл, на свое прежнее КП. Не успел "Десятый" продвинуться вслед за своими ротами. Замешкался чуток и остался один со штабом на этой стороне полотна дороги без своих боевых "карандашей".

Вслед за "Десятым" в обратный путь под сильнейшим огнем по открытой местности, не поднимая ни головы, ни зада, поползли и мы с Еременко к спасительным кустам, откуда начинала свой боевой путь первая рота. Ползли не торопясь, осторожно, наматывая кабель на катушку. Вот и кусты. В их глубине, недалеко от опушки, комбат облюбовал свое новое КП. Как это ни покажется удивительным, но связь в это утро и днем работала устойчиво, без перерывов.

Бывает же такое везение. Осколки снарядов ее не задевали точно так же, как не задели они и нас с Еременко в походе на железку и обратно. Слышу, как "Десятый" докладывает "Седьмому" об обстановке – немец перешел в контратаку и теснит роты к полотну, роты несут потери и просят прикрыть артогнем.

Шуршат в воздухе над нами летящие к немцам снаряды, затем слышны их мощные разрывы. На сей раз артиллеристы удачно поддержали пехоту. Слышу, как "Седьмой" докладывает, что немец прекратил атаки, но и роты для дальнейшего продвижения сил уже не имеют – понесли большие потери.

Дело движется к вечеру, скоро наступят сумерки, а с их наступлением и окончание боевого трудового дня. Ночью воевать трудно – ни зги не видать. Можно заблудиться и "не в ту степь" наступать. Бывало и такое. Темное время суток используется командованием для приведения своих "растрепанных" подразделений в должный боевой порядок для продолжения наступления на следующий день. Всю ночь трещат телефоны. Всю ночь командование ведет переговоры. Всю ночь связисты начеку, не дай бог прекратится связь. Усталые за день, мы с наименьшей проворностью бегаем по линии всю ночь. Хочется спать, ноги гудят, в животе – пусто, но мы моментально выскакиваем на линию, чуть-чуть раньше, чем расстегнется кобура пистолета ведущего переговоры.

Уже почти в сумерках комбат отдает команду прекратить наступление и окопаться. Обещает с наступлением темноты прислать пополнение, боеприпасы и, естественно, самое главное – пищу. Просит подготовить к эвакуации раненых. Все понимают, что завтра утром это сделать будет невозможно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.